

ИЗЪ КНИГЪ
В. Т. ДАХНОВСКАГО.

ВОСПОМИНАНІЕ
О Д. И. КАЧЕНОВСКОМЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ 2-ГО ФЕВРАЛЯ 1873 г.

Проф. А. Стояновымъ.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,

Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,

Und manche liebe Schatten steigen auf...

Немного времени прошло, какъ проводили мы въ раннюю могилу Д. И. Каченовскаго. Нелегко было терять его тѣмъ людямъ, которые хорошо знали его, и едва-ли когда можно будетъ переносить безъ тяжелой душевной боли мысль, что не стало уже человѣка, еще недавно жившаго межъ насъ всѣми сторонами тонкой и богато-одаренной натуры своей. Да, страшно сказать; угасъ навсегда этотъ ясный и острый умъ, зорко слѣдившій, до послѣдняго мерцанія своего, за вопросами науки, искусства и политики. Угасло и сердце: пылкое, чистое и благородное,—сердце, способное любить. А любилъ Д. И. все, что отвѣчало опредѣленнымъ и свѣтлымъ понятіямъ его о добромъ и прекрасномъ. Душа этого человѣка представляла собою счастливую и строгую гармонію силъ, гдѣ соединялись солидные качества ученаго съ привлекательными свойствами художественной натуры. Въ этомъ отношеніи Д. И. былъ вѣрнымъ представителемъ славянскаго типа, которому—къ счастью, или несчастью—природа не отказала ни въ тонкомъ артистическомъ чувствѣ, ни въ добромъ и впечатлительномъ сердцѣ.

461397

08

I. ПЕРІОДЪ ДѢТСТВА И НАРОДНАЯ ШКОЛА.

Постараюсь набросать біографическій очеркъ Д. И. Каченовскаго, и, быть можетъ, удастся мнѣ раскрыть простой, но нравственный смыслъ этой честной и полезной жизни.

Д. И. Каченовскій родился 8-го дек. 1827 года въ Карачевѣ, небольшомъ городкѣ орловской губерніи, и приходился отдаленнымъ родственникомъ профессору московскаго университета, М. Т. Каченовскому. Первые годы дѣтства его извѣстны изъ дневника, который вела сама мать покойнаго—В. К. Каченовская, любимая сыномъ съ безпредѣльною любовью. Преданность къ матери, самая нѣжная, почти женственная, составляетъ характерную черту покойнаго. Чѣмъ счастливѣе былъ въ немногія минуты своей жизни Д. И. Каченовскій, тѣмъ теплѣе и сильнѣе была дума его о матери. «Какъ ни весело за границую—пишетъ онъ въ декабрѣ 1859 г. изъ Парижа—но мысль найти снова тотъ пріютъ, гдѣ я отдыхалъ отъ житейскихъ волненій и университетскихъ битвъ, есть для меня мысль отрадная. Шататься цѣлую жизнь нельзя; нужно работать и жить для васъ, для друзей, для доброй молодежи нашей, для науки,—и счастливъ тотъ, кто находитъ подлѣ себя согрѣвающее сердце матери, нѣжнаго и вѣрнаго друга, къ которому всегда можно прибѣгнуть, въ которомъ всегда встрѣчаешь неизмѣнную симпатію, вѣчную заботливость, безконечное снисхожденіе къ своимъ слабостямъ, добрый совѣтъ, надежную опору въ испытаніяхъ. Я такъ цѣню это счастье, что не желаю его утратить, хотя бы мнѣ сулили другое и описывали его самыми яркими красками».

Одна эта страница достаточно характеризуетъ Каченовскаго: такъ любить и такъ цѣнить привязанность къ себѣ другихъ людей могутъ только сильныя души. Искренно и радостно дѣлится онъ со старухой-матерью всѣми впечатлѣніями своими

за границей. «Жизнь моя въ Парижѣ, сообщаетъ онъ ей въ томъ-же письмѣ, стала въ послѣднее время интереснѣе и разнообразнѣе. Открылись лекціи; я познакомился съ нѣкоторыми профессорами и даже приглашенъ былъ на-вечеръ, что французъ дѣлаетъ рѣдко, въ знакъ особеннаго благоволенія. Но самый обыкновенный мой пріютъ все-таки салонъ Madame Mohl (г-жа Моль, жена извѣстнаго академика и оріенталиста Юлія Моля), и на дняхъ познакомился я съ англійскою писательницею, г-жею Гаскелль, которая, если помните, издала книгу о Шарлоттѣ Бронте. Я когда-то посылалъ статью объ этой книгѣ въ Русскій Вѣстникъ... Сама Гаскелль... ни-мало не похожа на синій чулокъ и безъ всякихъ претензій. Я желалъ бы, чтобы наши писательницы умѣли такъ держать себя. Другое пріятное знакомство я сдѣлалъ съ одною изъ лучшихъ здѣшнихъ пѣвицъ, М-ше Тардъё: она играетъ Бетховена такъ, что просто чудо!».

А вотъ еще страница въ другомъ письмѣ, изъ Берлина: «Я переслушалъ множество лекцій... и познакомился съ Гефферомъ и Ранке. Послѣдній сдѣлалъ на меня впечатлѣніе хорошее; первый никакого не сдѣлалъ. Ранке не общителенъ, но привлекателенъ; Гефферъ доступенъ, но не привлекателенъ. Это бываетъ не рѣдко... Изъ берлинскихъ профессоровъ нѣкоторые вмѣсто лекцій читаютъ *Lehrbuch*, что очень скучно. Исключеніе — Мишле, Гейдеманъ и Шталь. Послѣдній, не смотря на свою болгаринскую натуру, даровитъ. Онъ теперь либеральничаетъ, толкуетъ все объ Англіи и забылъ, по-видимому, востокъ. Наружность его незавидна: маленькій господинъ въ бѣломъ галстухѣ, грязноватенькій, вертлявенькій, и — только; Мишле грандіозенъ, и былъ бы еще грандіознѣе, если-бы не актерствовалъ; Г — нъ уменъ, но съ плутоватымъ лицомъ. Гомейеръ только и толкуетъ, что о глоссахъ къ саксонскому зеркалу...».

Страница эта драгоценна для характеристики Каченовскаго: здѣсь вполнѣ виденъ тотъ бойкій великорусскій юморъ, кото-

рый составлялъ всегда одну изъ привлекательныхъ сторонъ въ натурѣ Д. И. Но не менѣе интересно и то, что мѣткая характеристика ученыхъ знаменитостей Германіи, адресованная къ университетскому товарищу, должна была непременно читаться старухѣ-матери. Нигдѣ и никогда не забывалъ онъ объ ней!

Материнскій рассказъ о дѣтствѣ сына достаточно объясняетъ — гдѣ источникъ необыкновеннаго развитія сердечной стороны въ характерѣ Каченовскаго. Не богатъ и некрасивъ углами былъ домикъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ Дмитрій Ивановичъ; но не всякія палаты вмѣщали въ себѣ такую любовь, которою окруженъ былъ младенецъ отъ первой минуты своей жизни. «Рожденіе твое, пишетъ мать, большую радость принесло твоимъ родителямъ и всѣмъ роднымъ; нѣжная бабушка твоя еще задолго пріѣхала до рожденія и ждала съ большимъ неравнодушіемъ этого счастья, а при рожденіи такая радость ею овладѣла, что она, при взглядѣ на тебя, сдѣлалась какъ маленькій ребенокъ: молилась, плакала и смѣялась». А вотъ еще нѣсколько строкъ, гдѣ просто, но прелестно нарисована сцена семейнаго счастья у колыбели Д. И. Каченовскаго. «На третій день, говоритъ мать, ты получилъ благодать святаго крещенія... И много было добрыхъ нашихъ знакомыхъ, которые привѣтствовали насъ своимъ усердіемъ и раздѣляли нашу радость... Двѣ недѣли ты лелѣлся на рукахъ нѣжныхъ родныхъ, и послѣ, благословя тебя со слезами, они уѣхали домой».

Въ такой доброй средѣ началось развитіе мальчика — болѣзненнаго, какъ почти всѣ способныя дѣти. «Всевышній испытывалъ наше терпѣніе твоею болѣзнію, читаемъ мы въ материнскомъ дневникѣ: ты нѣсколько мѣсяцевъ былъ жестоко боленъ.. Это стоило многихъ слезъ и безразсуднаго ропота. Теперь ты молился за нашу слабость!». Впрочемъ, переживъ кризисъ, дитя окрѣпло, и въ началѣ втораго года малютка — Каченовскій «хорошо говорилъ и зналъ уже карты натуральной исторіи».

Въ исходѣ второго года жизни Д. И., надъ матерью и надъ ребенкомъ разразилось великое горе: умеръ отъ чахотки молодой еще отецъ Каченовскаго. Трудно читать безъ душевнаго волненія эту скорбную страницу въ дневникѣ матери. По-видимому, малютка - сынъ ея понималъ уже, по-своему, то несчастье, которое обрушилось такъ рано надъ дѣтскою головкой его... Отецъ — рассказываетъ мать сыну — прижималъ тебя къ больной груди, осыпалъ тебя поцалуйми со слезами, а ты, какъ чувствовалъ, отвѣчая ему тѣмъ-же, говорилъ: «гдѣ у васъ болитъ?... Богъ дастъ, пройдетъ!...». Несмысленное участіе, но родное, раздирало души наши. Ты привѣтствовалъ и нѣжно просилъ доктора помочь отцу, говоря такъ: «я вамъ заслужу за работу».

Но умеръ отецъ, осужденный на неизбежную гибель отъ той-же болѣзни, которая свела сына, на нашихъ глазахъ, въ могилу. При погребеніи, двухлѣтній мальчикъ стоялъ на колѣняхъ, обращался къ матери, отиралъ ея слезы и самъ плакалъ. И было отъ чего плакать: для двухъ друзей — осиротѣвшей вдовы и ея ребенка — открывалась тяжкая доля всѣхъ бѣдняковъ; нужно было начинать упорную борьбу за существованіе!

И читаемъ мы въ дневникѣ, какъ маленькій другъ помогаль своей матери въ различныхъ заботахъ и случайностяхъ суровой ея жизни: «послѣ кончины отца, мы перешли въ свой старый домикъ; ты пособлялъ мнѣ по силѣ твоей...». Такимъ образомъ мать имѣла право написать: «здѣсь-то ты служилъ мнѣ большою отрадою».

Игры мальчика, о которыхъ рассказано въ дневникѣ, не лишены значенія для характеристики Д. И. Каченовскаго: видно, что онъ рано полюбилъ живопись. Другою любимою забавою ребенка служили концерты изъ колокольчиковъ, разной величины, которые накупили ему вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ его.

Невольно переношусь я къ иному, позднѣйшему періоду въ жизни Д. И. Каченовскаго и вижу, что вкусы и наклонности юноши и даже серіознаго профессора ясно обозначались въ инстинктивныхъ влеченіяхъ ребенка. Извѣстна всѣмъ страсть Д. И. Каченовскаго къ музыкѣ и къ живописи. «Когда я въ первый разъ зашелъ на квартиру Д. И., весною 1848 г., сообщилъ мнѣ г. Павловичъ, онъ привѣтствовалъ меня радушно... Съ восторгомъ утѣлся Д. И. за плохое фортепіано, которое стояло у стѣны, разложилъ сонату Беттовена (помнится *As dur*) и началъ играть. Игралъ онъ не артистически; гдѣ не выходило — поддѣлывалъ, такъ-что лишь слѣдя по нотамъ можно было составить себѣ понятіе о композиціи. Но Д. И. это не затрудняло вовсе: онъ, смотря въ ноты и наигрывая на фортепіано дрожащими пальцами, былъ въ такомъ настроеніи, какъ будто слышалъ самое отличное пѣніе. Такой неподдѣльный восторгъ, такое возсозданіе силою воображенія музыкальнаго произведенія составляло характерную черту въ его любви къ музыкѣ. Имѣя передъ собою ноты, онъ уже глазами, такъ сказать, наслаждался, и ему все равно было, какъ бы піеса ни была исполнена. Эти черты представляютъ много сходства со способностью великихъ музыкантовъ тоже мысленно читать партитуру; но разница въ томъ, что такіе люди могутъ наслаждаться подобнымъ образомъ лишь въ-тиши... Д. И. напротивъ мирился со всякимъ исполненіемъ, — и это осталось въ немъ навсегда».

Изъ всѣхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Д. И. Каченовскаго видно, что умственное развитіе ребенка пошло очень быстро: читать и писать на пятомъ году было для него игрушкою. Первою настольною книгою у ребенка была священная исторія, которую мальчикъ перечитывалъ, по словамъ матери, много разъ и съ особеннымъ усердіемъ; но что особенно любопытно — любилъ толковать прочитанное другимъ. Первую аудиторію будущаго профессора составляли родные и знакомые, но, за неимѣ-

ніемъ такихъ излюбленныхъ слушателей, ребенокъ обращался къ прислугѣ и платилъ ей «по грошу за внимательность». Разсказъ объ этомъ слышалъ я однажды отъ самого Д. И., который смѣясь говорилъ, что въ то время онъ не считалъ безнравственнымъ дѣломъ подкупать свою аудиторію.

Опять видимъ мы, какъ ребенокъ проявилъ въ своихъ наклонностяхъ то, что сдѣлалось страстью — любимымъ занятіемъ всей послѣдующей его жизни. Хорошо, цѣльно и энергическою натурою родился на свѣтъ Божій Д. И. Каченовскій!

Вѣрность Каченовскаго самому себѣ, всѣмъ своимъ убѣжденіямъ и привязанностямъ, отъ ранней поры и до могилы, поразительна. Такъ, дѣйствительно, цѣнилъ онъ выше всего и всегда свое призваніе учителя. И никакія неудачи въ жизни, никакія ошибки въ людяхъ не поколебали основного фонда горячей и поэтической души этой! Такъ, между-прочимъ, мать Д. И. пишетъ въ дневникѣ, что сынъ ея съ дѣтства былъ страстнымъ любителемъ простыхъ русскихъ пѣсень. Въ теченіе многихъ лѣтъ и постоянныхъ нашихъ отношеній, имѣлъ я случай не разъ убѣдиться, что русская мелодія оказывала магическое дѣйствіе на Д. И.: лицо его мгновенно свѣтлѣло и слетала съ него хандра, нерѣдко гостившая на душѣ Каченовскаго. Никогда не забуду я, какое удовольствіе доставилъ Д. И. куплетъ изъ пѣсни «Дубрава шумитъ», удачно спѣтый на австрійско-дунайскомъ пароходѣ однимъ товарищемъ по путешествію. Каченовскій, что называется, просіялъ, — забылъ о толпѣ шумныхъ и циническихъ молдо-валаховъ, которые безчинствовали въ столовой каютѣ парохода, и былъ веселъ до позднаго вечера, не смотря на разыгравшуюся вакханалію юныхъ румыновъ.

Просто и трогательно рассказанъ у матери первый выходъ Д. И. изъ родного дома въ школу: благочестиво, серіёзно и по старинному обряду совершила любящая мать этотъ важный

актъ въ жизни своего ребенка: «Добрый пастырь — пишетъ она — осѣнилъ тебя животворящимъ крестомъ, прочтя молитву при начатіи ученія и окропя тебя святою водою, мы отвели тебя въ народное училище: тамъ новые, добрые наставники тебя приняли ласково».

Ласковость педагоговъ имѣла основаніе. Шестилѣтній мальчикъ горячо и толково принялся за ученіе. И черезъ 40 лѣтъ видно еще въ дневникѣ то счастье, которое доставляли любящей матери успѣхи сына. «Здѣсь ты — одушевленно пишетъ она, бесѣдуя съ дорогимъ своимъ Митей — подобно деревцу въ прекрасное время весны развѣтывался въ понятіяхъ съ каждымъ днемъ и каждый годъ, какъ цвѣтокъ, разцвѣталъ къ публичному экзамену... Въ эти дни я забывала все и была, кажется, счастливѣе всѣхъ смертныхъ»...

Черезъ три года (т. е. 9-ти лѣтъ отъ роду) окончилъ Д. И. курсъ народной школы, и его перевели въ Орелъ, гдѣ помѣстили въ несуществующее теперь канцелярское училище для спеціального приготовленія къ служебной профессіи. Вдовъ Каченовскаго оказалъ при этомъ содѣйствіе П. К. Оедоровъ, бывшій тогда директоромъ училищъ въ Орлѣ, а позже, въ началѣ 50 годовъ, въ Курскѣ. Нужно думать, что содѣйствіе Оедорова было необходимо для борьбы со многими препятствіями и затрудненіями, такъ-какъ дневникъ В. К. Каченовской внезапно обрывается здѣсь скорбною фразою: «въ Орлѣ я много перетерпѣла всего»...

II. Гимназія. Студенческая жизнь. Первый періодъ профессуры.

Обученіе въ Орлѣ, а затѣмъ въ Харьковѣ, куда скоро перевели Д. И. казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ пансіонъ при 1-й гимназіи, составляетъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ мнѣ періодовъ въ жизни Каченовскаго. Здѣсь уже не было возлѣ него любящей матери, которая такъ хорошо отмѣтила своею вѣрною рукою первые шаги умственного и душевнаго развитія въ сынѣ. Изъ бывшихъ въ ту пору гимназическихъ педагоговъ я не зналъ и не знаю никого, кто могъ бы сообщить свои воспоминанія о даровитомъ мальчикѣ, который въ гимназіи учился такъ-же хорошо, какъ и въ народной школѣ, и прослылъ бойкимъ діалектикомъ и великимъ начетчикомъ между товарищами. Самъ Д. И. очень строго судилъ себя, когда касался воспоминаній о гимназической своей жизни. «Во мнѣ сидѣлъ тогда, рассказывалъ онъ, тотъ бѣсъ, который всегда почти вселяется въ мальчугановъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Я былъ юрокъ и надѣдливъ до крайности; чувствовалъ даже не малую склонность къ дракѣ, которой и удовлетворялъ по-временамъ, не заботясь о педагогахъ, глубоко довѣрившихъ въ ту пору нравственной силѣ розги. Саркастическая жилка орловскаго чело-вѣка разыгрывалась во мнѣ неудержимо, и жертвою ея становились какъ товарищи, такъ, увы! въ нѣкоторыхъ случаяхъ кое-кто и повыше . . . Однажды посмѣялся я надъ нетрезвымъ видомъ одного изъ менторовъ, но посмѣялся такъ безтактно и громко, что былъ радъ-радешенекъ, отдѣлавшись заключеніемъ in carcere durissimo . . . При болѣе строгомъ вѣнненіи, могло воспослѣдовать роковое: «удалить, съ тѣмъ, дабы не принимать въ другое заведеніе», т. е. тотъ несчастный способъ наказанія, который почти всегда обращалъ простыхъ шалуновъ въ бесполезныхъ и даже вредныхъ людей для общества».

Припоминаю я также, что, говоря о начальниках своих и учителяхъ, Д. И. съ участіемъ и симпатіей отзывался о директорѣ Корженевскомъ (извѣстномъ польскомъ драматургѣ — человѣкѣ разносторонняго и солиднаго образованія). Доброе ученическое воспоминаніе вынесъ онъ также объ урокахъ г. Тихоновича по латинскому языку, который Д. И. очень любилъ и хорошо зналъ къ концу гимназическаго курса, и затѣмъ объ урокахъ г. Лапушанскаго по математикѣ, которой никогда не любилъ. Въ послѣднемъ случаѣ предметомъ симпатіи была не столько наука, сколько личность преподавателя, который пережилъ, оставшимъ ветераномъ-педагогомъ, блестящаго ученика своего. Работая главнымъ образомъ по иностраннымъ языкамъ, по исторіи, географіи и русской литературѣ (которую любилъ страстно и зналъ съ такою основательностію, что, до послѣдняго времени, съ легкостію воспроизводилъ цѣлыя страницы изъ Пушкина и др. писателей), Д. И. ревностно занимался музыкой. Руководителемъ его въ этомъ отношеніи былъ К. И. Беноа, хорошій учитель и знатокъ музыки. Д. И. учился у него на флейтѣ и успѣлъ до-того, что игралъ однажды въ оркестрѣ, составленномъ изъ гимназистовъ, для публичнаго акта. Дни эти были настоящими праздниками для тогдашнихъ гимназистовъ, благодаря почетному попечителю Ѳ. К. Шреттеру, очень хорошему и симпатичному человѣку. Если не ошибаюсь, покойный Шреттеръ зналъ и цѣнилъ Д. И. какъ даровитаго ученика и приглашалъ его къ себѣ, съ обычнымъ своимъ радушіемъ, вмѣстѣ съ другими лучшими воспитанниками гимназіи.

Пятнадцати съ половиною лѣтъ, Д. И., удостоенный золотой медали, вышелъ изъ гимназіи и поступилъ на первый курсъ юридическаго факультета съ особаго разрѣшенія попечителя, графа Головкина, потому что не доставало полугода до законнаго срока для принятія юноши въ число студентовъ.

Немногое извѣстно мнѣ и о студенческомъ періодѣ Д. И. Но кажется, что время въ началѣ 40-хъ годовъ, когда надѣль Д. И. голубой съ серебромъ воротникъ, уподоблявшій тогдашнихъ студентовъ офицерамъ прусской гвардіи, можетъ быть названо эпохою «Drang und Sturm» въ жизни Каченовскаго. То было своеобразное время, о которомъ невозможно составить себѣ понятія по теперешнимъ нравамъ университетской молодежи. Образованная часть всего русскаго общества ближе стояла къ эпохѣ романтизма, — ученая литература и журналистика отличались особенною сдержанностію; лишь изрѣдка пробѣгала сверкающимъ огонькомъ мысль Вѣлинскаго; разыгрывалъ Демокрита, въ своей Библіотекѣ для чтенія, злой и юркій Сенковскій, да жужжала въ газетномъ мірѣ Сѣверная пчела, въ редакціи которой плакалъ крокодиловыми слезами неискренняго патріотизма Фаддей Булгаринъ, негодуя за строгій отзывъ Маркиза Кюстина о тогдашней Россіи.

Наиболѣе умственной жизни сосредоточивалось въ Москвѣ, гдѣ однако же все движеніе ушло въ кружки, хорошую и слабую стороны которыхъ талантливо охарактеризовалъ, въ одномъ изъ разсказовъ своихъ, И. С. Тургеневъ. Окончательно складывались, состязаясь между собою, школы западниковъ и славянофиловъ.

Въ Харьковѣ литературная жизнь стояла тогда на точкѣ замерзанія, и не думаю, чтобы могъ произвести желанную оттепель приговоръ о сожженіи магистерскаго труда (объ уніи), написаннаго однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей современной исторической литературы въ Россіи. — Что касается университетской молодежи, то въ ту пору не наступало еще салоннаго періода, процвѣтавшаго въ началѣ 50-хъ годовъ, когда студентовъ сортировали по ихъ росту и по ловкости мундирнаго покроя, приглашая не обременять себя головоломными науками,

почаще являться на танцевальных вечерах и на балах в дворянских собраниях. Не думаю, чтобы Д. И. Каченовскому пришлось выдерживать те инквизиторские осмотры мундира и эфеса шпаги, чему неумолимо подвергались, со стороны военного инспектора, студенты в началѣ 50-х годовъ.

Нѣтъ, между сверстниками Каченовскаго господствовала иная жизнь и попадались среди студентовъ того времени иные характеры и типы. Я зналъ одного изъ нихъ, уже гораздо позже, женатымъ человѣкомъ и съ голодною семьею на шеѣ. Судьба неумолимо преслѣдовала бѣдняка, но онъ все еще пѣлъ свои свѣтлыя беранжеровскія пѣсни и встрѣчалъ каждую новую неудачу — а онъ безпрестанно сыпались на него — съ такимъ-же благодушiемъ, съ какимъ произносилъ свое — «*Bonjour, mon gâçon*» (здравствуй горе мое, злощастiе) извѣстный неудачникъ-студентъ въ «*Misérables*» у Виктора Гюго. Живо помню рассказъ Д. И. еще объ одномъ изъ современныхъ ему студентовъ, который имѣлъ несчастье серьезно полюбить крѣпостную дѣвушку, но не вынесъ борьбы изъ-за своего чувства и погибъ, заливши виномъ обширныя познанiя и первоклассное дарованiе поэта. — Но не такъ симпатично было большинство сверстниковъ Каченовскаго по университету; между ними чаще встрѣчались порывистыя и безхарактерныя натуры, безпричинно предававшiеся грубымъ кутежамъ, которые фатально совпадали съ каждою присылкою денегъ изъ родительскаго дома. На почвѣ, пропитанной крѣпостнымъ правомъ, дѣйствовало влiяние искаженного романтизма, эротическихъ пѣсенъ Беранже, дебелыхъ легендъ о нѣмецкихъ буршахъ и мѣстныхъ гимновъ буйно-вакхическаго свойства. Безпорядочны и неряшливы были нравы, которые создавала эта странная смѣсь въ студенческомъ мiрѣ! И нѣтъ ничего мудренаго, если подобная обстановка помѣшала Д. И. приняться сразу и на первомъ курсѣ за тѣ серьезныя занятiя, которыми наполнены были три остальные года студенческой его

жизни. Впрочемъ, идеализмъ и деликатность художественной патуры не покидали Д. И. въ чадѣ самыхъ шумныхъ и разнузданныхъ оргій. Скоро освободился онъ совершенно отъ вліянія доморощенныхъ буршей и рѣшительно примкнулъ къ тому меньшинству работающихъ и зрѣлыхъ студентовъ, которые всегда составляли лучшую силу — плоть и кровь университетскихъ аудиторій.

Разъ начавши работу, Д. И. никогда уже не покидалъ ея, а старался доводить до конца. Помнится мнѣ со словъ Каченовскаго, что изъ предметовъ университетскаго курса прежде всего обратилъ онъ вниманіе на римское и на гражданское право. Уголовное право слушалъ Д. И. у даровитаго и рано умершаго проф. Г. С. Гордѣнко, только-что вернувшагося тогда изъ-за границы. Энциклопедіей, философіей права и исторіею германскаго права занимался Каченовскій, весьма много пользуясь совѣтами и руководствомъ А. И. Палюбецкаго, бывшаго очень долгое время слушателемъ Ганса и Савиньи. Здѣсь-то возникла между студентомъ и уважаемымъ профессоромъ нравственная связь, которая впоследствии скрѣплена была совместною борьбою противъ пансіонерства и другихъ застарѣлыхъ злоупотребленій въ тогдашнемъ юридическомъ факультетѣ. Съ уваженіемъ и восторгомъ говорилъ всегда Д. И. о чтеніяхъ по всеобщей исторіи (особенно по исторіи Востока и Греціи) проф. Лунина — даровитаго ученика первоклассныхъ историковъ Германіи. По какому-то роковому закону для Харькова, Лунинъ, подобно Г. С. Гордѣнко и самому Каченовскому, умеръ еще молодымъ человекомъ отъ чахотки, въ Кіевѣ! Международное право читалъ Дмитрію Ивановичу проф. Степановъ — человекъ весьма образованный, о преподавательскомъ талантѣ котораго симпатично отзывались всѣ студенты того времени.

Занимаясь серьезно и ровно всѣми факультетскими предметами, Д. И. находилъ время для изученія ново-европейскихъ языковъ. Вкусъ его къ изящной литературѣ окрѣпъ и полу-

чить болѣе широкое развитіе въ произведеніяхъ англійскихъ писателей. Кажется даже, что къ послѣднимъ годамъ студенческой жизни Д. И. относится переводъ байроновскаго Марино Фаліери бѣлыми стихами, о достоинствѣ которыхъ я недавно слышалъ хорошій отзывъ отъ одного изъ ближайшихъ сверстниковъ Д. И. Музыка продолжала по прежнему составлять видную часть въ программѣ работъ Каченовскаго.

Въ 1847 году получилъ онъ дипломъ кандидата правъ и тогда-же приглашенъ отъ факультета готовиться къ экзамену на магистра. Но не рѣшусь сказать — по какому именно предмету началъ свои спеціальныя занятія Каченовскій? Помню одинъ отрывочный разсказъ его о томъ, будто международное право избрано было послѣ довольно продолжительныхъ и усердныхъ работъ надъ источниками и литературой римскаго и гражданскаго права. Во всякомъ случаѣ, окончательный выборъ спеціальности оказался вполне удачнымъ на защищеніи магистерской диссертациі «О владычествѣ надъ морями». Я живо помню этотъ, впервые видѣнный мною, диспутъ на высшую ученую степень въ университетѣ. Сильное впечатлѣніе сдѣлала на меня личность Д. И. Каченовскаго. Энергическая голова его съ тонкимъ орлинымъ носомъ à la Шиллеръ; умный его лобъ съ характерными морщинками, которыя то набѣгали, то сглаживались и точно уходили подъ густыя пряди темно-русыхъ, юношески-красивыхъ волосъ, — его тонкій, нѣсколько наклоненный станъ, одѣтый въ черный, пуритански-скромный фракъ, — его бойкія цитаты цѣлыми тирадами изъ Гуго-Грота, Сельдена, Бенкерсгукъ и фрагментовъ родосекаго закона въ отвѣтъ на строгія и методическія возраженія покойнаго профессора А. Н. Мицкевича, превосходнаго знатока римскаго права: вся эта академическая сцена на-всегда осталась въ моей памяти и до сихъ поръ отчетливо рисуется передо мною. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сидѣлъ уже на студентской скамѣ и съ жадностію слушалъ Каченовскаго по истори-

ческому отдѣлу энциклопедіи законовѣдѣнія, которая поручена была Д. И. вслѣдствіе назначенія А. И. Паломбецкаго ректоромъ отъ короны.

Несомнѣнное профессорское дарованіе Каченовскаго обнаружилось и на этихъ лекціяхъ, хотя онѣ читались по предмету, которымъ Д. И. спеціально не занимался: главною силою его были и остались до конца лекціи по международному праву. Студенты скоро полюбили и стали искренно уважать Каченовскаго, хотя многіе изъ моихъ товарищей испытывали ребяческій страхъ при взглядѣ на строгую наружность молодого, но серьезнаго профессора. Помнится мнѣ, что въ 1849 и 1852 годахъ, когда происходили извѣстныя событія во Франціи, Австріи, Германіи, какой-то особенный, очень грустный отпечатокъ часто появлялся на выразительномъ лицѣ Каченовскаго: онѣ приходилъ иногда на челоуѣка, который только-что испыталъ тяжелое разочарованіе или снесъ въ могилу кого-то, весьма близкаго. Чуткимъ, юношескимъ инстинктомъ подмѣтилъ это я на лицѣ Д. И.; но лишь позже могъ сознательно объяснить себѣ заинтересовавшее меня психическое состояніе уважаемаго профессора...

Юридическіе факультеты того времени были немногочудны: только-что прошелъ законъ о нормальномъ числѣ 300 студентовъ, и самъ Маниловъ не дерзнулъ бы грезить тѣми золотыми снами о судебной и адвокатской карьерѣ, которые сдѣлались такою пріятною дѣйствительностію и главною приманкою для современныхъ студентовъ.

Но была одна хорошая сторона въ узкости практическаго горизонта для студентовъ 50-хъ годовъ въ Россіи: аудиторіи были малочудны, на скамьяхъ сидѣла молодежь, зятанутая въ военные вицмундиры — и въ этомъ, конечно, не было ничего прівлекательнаго; но силенъ былъ процентъ людей, интересовавшихся ученіемъ не изъ однихъ хлѣбныхъ расчетовъ. Международное право не откидывалось въ сторону на томъ основаніи,

что изученіе вопросовъ о нейтралитетѣ или о военныхъ конвенціяхъ не пригодно для какого-нибудь узловатаго дѣльца о векселяхъ передъ мировымъ судьей.

Личное мое знакомство съ Д. И. началось не ранѣе второго года пребыванія моего въ университетѣ и произошло по случаю распродажи книгъ изъ библіотеки покойнаго Г. С. Гордѣенко. Д. И. очень ласково пособилъ мнѣ выбрать нѣсколько сочиненій, которыя, по его мнѣнію, могли быть полезными для моихъ занятій. Съ этой поры, сталъ я бывать у него на-дому, въ маленькой квартирѣ, заваленной грудой книгъ и нотъ, при неизбѣжномъ фортепіано. Каченовскій хорошо понималъ натуру молодежи, которая часто начинаетъ работать по одному личному впечатлѣнію на нее отъ профессора, и потому всегда старался сближаться со студентами. И нужно сознаться, что такая педагогическая политика составляла пріятную новость. Въ ту пору, за исключеніемъ Каченовскаго и еще одного уважаемаго профессора, преобладали на юридическомъ факультетѣ совсѣмъ иные нравы; легче было получить отъ инаго педагога, за дорогую цѣну, квартиру на профессорекомъ чердакѣ, чѣмъ добиться разрѣшенія на какую-нибудь книгу изъ библіотеки. И понятно: для перваго нуженъ былъ студенту очень опредѣленный имущественный цензъ, а для втораго — одно невѣсомое, хотя и весьма почтенное желаніе учиться. Никогда не забуду я громоваго отказа на просьбу объ извѣстномъ сочиненіи Адама Смита, отказа, который изрекъ мнѣ могучимъ голосомъ профессоръ, временно читавшій политическую экономію въ памятный годъ, когда, по выраженію одного моего товарища-поэта... «на философію надѣли камилавку».

Помню также не менѣе рѣшительный отказъ въ извѣстной книгѣ Росси (*Droit pénal*) со стороны профессора, который тогда преподавалъ намъ временно, по чужимъ запискамъ, уголовное право. Прибавлю еще, что сближеніе со студентами бы-

ло, до извѣстной степени, дѣломъ гражданского мужества со стороны Д. И.: находились люди, которые заговаривали тайно и явно объ исканіи популярности и т. д. А всякому извѣстно, что подобныя рѣчи получаютъ подъ-часть весьма ядовитую силу.

Въ послѣднемъ году университетскаго курса отношенія мои къ Д. И. получили уже вполне дружественный и близкій характеръ. Ему извѣстны были многіе мои личные интересы, и глубокая благодарность будетъ всегдашнимъ чувствомъ моимъ за нравственную поддержку, которую находилъ я всегда у этого человѣка. О книжныхъ занятіяхъ моихъ нечего и говорить: ими особенно серьезно, даже настойчиво, интересовался Д. И.

Не смотря на многія невыгодныя условія, при которыхъ, по различнымъ причинамъ, должна была идти, въ началѣ 50-хъ годовъ, профессорская дѣятельность Д. И., періодъ этотъ не кажется мнѣ худшимъ временемъ въ жизни Каченовскаго. Чѣмъ суровѣе складывались внѣшнія обстоятельства, чѣмъ безобразнѣе и печальнѣе была вся окружающая среда, тѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе погружался Каченовскій въ богатый свой внутренний міръ. Ежедневно шли прекрасныя, оживленныя и серьезныя лекціи; готовилась докторская диссертация «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», собирался и обдумывался матеріалъ для многочисленныхъ статей и этюдовъ, которые весьма скоро послѣдовали одинъ за другимъ, какъ-только наступили свѣтлые начальные годы настоящаго царствованія. И тутъ-же, среди всѣхъ этихъ работъ, съ любовью отдавался Д. И. занятіямъ музыкою. Къ этому времени относится развитіе дружественныхъ отношеній Д. И. съ тремя личностями, которыя имѣли несомнѣнное вліяніе на художественное образованіе Каченовскаго: я разумѣю князя Н. Б. Голицына, Е. А. Звѣреву и В. А. Квитку.

Всѣ они теперь въ могилѣ, но тогда были лучшею, дѣйствительною красотою харьковскаго общества. Покойный князь Го-

лицы был замѣчательно хорошимъ виолончелистомъ и обладалъ большимъ музыкальнымъ образованіемъ. Въ дни юности, блестящій и умный вельможа русскій былъ почтенъ дружбой Бетховена, между квартетами котораго три (и при томъ лучшихъ) посвящены князю Н. Б. Голицыну. Въ его харьковскомъ салонѣ былъ одинъ изъ тѣхъ артистическихъ пріютовъ, которые умѣлъ съ особеннымъ счастіемъ находить себѣ Д. И. и глубоко наслаждаться въ нихъ любимымъ своимъ искусствомъ. Помню, что встрѣчалъ я и въ скромномъ кабинетѣ Д. И. высокую и величавую фигуру князя-старика съ остатками замѣчательной и симпатичной красоты. Е. А. Звѣрева, которую я никогда не встрѣчалъ, но о которой слышалъ очень много, жила исключительно для искусства; всѣ знавшіе ее отзываются объ ней какъ о замѣчательной пианисткѣ. Обладая превосходнымъ роялемъ и богатою коллекціей нотъ, Е. А. Звѣрева отличалась рѣдкою способностію выполнять (и выполнять восхиительно), въ теченіе десяти и болѣе часовъ сряду, лучшія произведенія классической музыки. Понятно, какіе восторги долженъ былъ переживать тогда Каченовскій, этотъ энтузіастъ-любитель Гайдна, Бетховена, Мендельсона, Баха и друг. германскихъ *Maëstri*! Вліяніе игры г-жи Звѣревой, ея тонкаго *toucher* и серьезнаго вкуса на музыкальные успѣхи Д. И. несомнѣнно. Дружба Каченовскаго съ талантливою артисткою оставила по себѣ еще одинъ добрый слѣдъ: подъ нравственнымъ вліяніемъ Д. И. составлено было духовное завѣщаніе, въ которомъ Е. А. Звѣрева отпустила на волю всѣхъ дворовыхъ людей своихъ, надѣливъ ихъ землею.

Но между всѣми этими отношеніями едва-ли не первое мѣсто занимаетъ, по своей продолжительности и искренности, дружба Д. И. съ покойнымъ В. А. Квиткой. Знакомство ихъ началось еще въ концѣ 40-хъ годовъ, и симпатія, возникшая между двумя людьми, совершенно разнохарактерными, честно снесе-

на каждымъ изъ нихъ въ могилу. Нечего и говорить, что связью между ними служило, общее имъ, поклоненіе искусству. Впрочемъ то, что слышалъ я отъ Каченовскаго и отъ многихъ другихъ людей, даетъ мнѣ право заключать, что В. А. Квитка обладалъ разностороннимъ и серьезнымъ образованіемъ. Много разъ и по-долгу живаль онъ за границей; но жизнь эта не прошла въ безцѣльномъ кочеваніи по отелямъ, какъ случалось это зачастую со многими «*Boyards russes*» въ чужихъ краяхъ. В. А. Квитка недаромъ былъ племянникомъ извѣстнаго Основьяненко и прослушалъ цѣлый рядъ курсовъ въ Collège de France въ лучшую пору этого учрежденія, когда читали тамъ лекціи Кузенъ, Вильменъ, Гизо, Мишле и др. Но кромѣ этого, В. А. Квитка былъ глубокимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ музыки, живописи и архитектуры. Вкусъ и опытность его въ этомъ отношеніи были по-истинѣ замѣчательны. Коллекція картинъ въ загородномъ домѣ на Основѣ, хорошо извѣстная многимъ лицамъ въ Харьковѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. И весьма вѣроятно, что бесѣды съ В. А. Квиткою, въ виду многихъ и цѣнныхъ произведеній на стѣнахъ гостепріимнаго дома, заронили ту искру, которая разгорѣлась въ Каченовскомъ до серьезной страсти къ живописи, какъ только вступилъ онъ на почву Италіи. «Народъ этотъ, писалъ Д. И. въ 1859 г. изъ Турина, привлекателенъ своею музыкальнію... Кромѣ того всѣ италіянцы — живописцы, или по-крайней-мѣрѣ знаютъ толкъ въ картинахъ. А какія это картины! Просто удивленіе. *Благодатная почва Италіи пристрастила и меня къ живописи...* Еще дрезденская галерея открыла мнѣ глаза; въ Парижѣ надѣюсь еще болѣе насладиться и поучиться этому искусству. Конечно, рисовать мнѣ уже поздно; я въ гимназій остановился «на ушахъ» и дальше не пошелъ, даже былъ посаженъ въ карцеръ за неудачный эскизъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать красоту въ произведеніяхъ великихъ художниковъ».

III. Заграничное путешествие и послѣдніе годы жизни Д. И.

Въ 18⁵⁸/₅₉ годахъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Каченовскаго: онъ уѣхалъ на 1¹/₂ года за границу. «Цѣль путешествія моего, говорилъ Д. И., съ самаго начала была опредѣлена твердо и ясно». Каченовскій имѣлъ право сказать это. Путешествіе было для него не забавою, а серіознымъ дѣломъ; на приготовленіе къ нему потрачено было много думъ и тщательныхъ работъ. Созерцательную и художественную натуру любознательнаго профессора давно уже манила къ себѣ цивилизація запада, гдѣ наука, искусство, государственные и социальныя интересы вошли изстари, споконъ-вѣка, въ жизненный обиходъ, гдѣ сама исторія сгруппировала, въ заманчивомъ разнообразіи оттѣнковъ и формъ, весь матеріалъ специальныхъ и любимыхъ наукъ его. «Я поставилъ для своей поѣздки двѣ главныя задачи, писалъ Д. И.: первая изъ нихъ заключалась въ томъ, чтобы ознакомиться съ современнымъ состояніемъ международного права; вторая въ томъ, чтобы дополнить мои свѣдѣнія въ государственныхъ наукахъ вообще. Къ этимъ двумъ задачамъ скоро присоединилась третья. Въ мартѣ 1858 года совѣтъ университета увѣдомилъ меня, что преподаваніе государственнаго права Европейскихъ державъ будетъ поручено мнѣ по возвращеніи изъ-за границы. Чтобы приготовить себя къ исполненію этой новой обязанности, я долженъ былъ расширить кругъ моихъ занятій, именно: изучать политическую жизнь, дѣлать наблюденія надъ учрежденіями по-крайней-мѣрѣ передовыхъ народовъ западнаго міра».

«Въ настоящее время, результаты путешествія Д. И. ясно раскрываются передъ нами: наглядное, живое ознакомленіе серіознаго ученаго съ Англією и другими странами Европы благоприятно отразилось на томъ курсѣ государственнаго права Евро-

нейскихъ державъ, который былъ читанъ нѣсколько разъ въ промежутокъ времени отъ 1860 года до кончины профессора Каченовскаго. Мертвенность знанія — эта ржавчина исключительно книжной учености — была бы особенно вредна при чтеніи государственнаго права Европейскихъ державъ, но такого порока не могло явиться у профессора Каченовскаго именно потому, что онъ многое видѣлъ и изучилъ на мѣстѣ, самостоятельно, безъ всякихъ предвзятыхъ и навязанныхъ мнѣній. Впрочемъ, лучшимъ средствомъ убѣдиться въ томъ будетъ хотя бѣглое знакомство съ путевыми записками Д. И. за 18⁵⁸/₅₉ годы. «Осмотрѣвши Ливерпуль и его рынокъ, пишетъ онъ 16/28 апрѣля 1859 г. въ одномъ изъ первыхъ 2-хъ рукописныхъ томовъ путевыхъ своихъ замѣтокъ, я увлекся выборами и былъ очень радъ, что попалъ въ комитетъ... Нѣкто *Брантъ*, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Кембриджѣ, объяснилъ мнѣ отчасти то, что меня занимало».

«При отправленіи выборовъ, каждая партія составляетъ комитеты, назначаетъ агентовъ, чтобы дѣйствовать на избирателей, обнародываетъ адреса и назначаетъ то, что называется canvassing. Законы въ послѣднее время очень ограничили подкупы, однакоже креатуры выборовъ — electioneering agents (выборные агенты) — обходятъ всякаго рода запрещенія. Лорды тоже приказываютъ своимъ «tenants» вотировать въ пользу извѣстныхъ кандидатовъ, грозя въ противномъ случаѣ выгнать ихъ: тѣ, конечно, покоряются. Отсюда происходятъ странныя явленія: tenantry мѣняетъ свой цвѣтъ смотря по характеру лорда и его образу мыслей (т. е. бываетъ попеременно тори или вигами). Между тѣмъ законъ запрещаетъ даже выставить имя лорда въ числѣ членовъ какого-нибудь комитета. Въ послѣднее время были учреждены electioneering auditors для повѣрки счетовъ комитетовъ и для того, чтобы узнать, честно-ли они дѣйствовали? Какъ бы то ни было, издержки на выборы съ борьбою (of contested elections) очень велики и обходятся иногда до 10,000 ф. стерлинговъ.

Думаю, что безъ подкуповъ трудно было бы затрачивать такую сумму. Вѣроятно, подкупы производятся косвенно...». Послѣ этихъ замѣчаній (въ нихъ нѣтъ и тѣни пристрастія или англоманіи, за которыя иногда корили покойнаго профессора), Д. И. пишетъ въ дневникѣ впечатлѣнія свои отъ втораго дня наблюденій за ходомъ ливерпульскихъ выборовъ: «...Я былъ введенъ въ самый центръ того мѣста, гдѣ они производятся (of the hustings). Толпа собралась большая и, по-временамъ, прерывала своимъ крикомъ рѣчи. Мы пошли гуськомъ (я сопровождалъ Юарта, либеральнаго кандидата). Тори пріѣхали въ каретѣ. Таковъ обычай партій: виги держатъ себя проще и ближе къ народнымъ нравамъ; напротивъ, тори аристократничаютъ. Избирательная платформа (hustings) раздѣлена на 2 половины, по старому преданію (чтобы партіи не подрались); такая же преграда находится вѣвъ возвышенія между толпою. У барьеры стоитъ полиція, чтобы охранять порядокъ, она впрочемъ не мѣшаетъ народу кричать и толпиться: вмѣшательство ея незначительно. Дѣло началось чтеніемъ «Ouer», старой норманской формулы, и какого-то норманскаго статута; потомъ Мэръ, почтенной наружности купецъ, прочелъ прокламацію королевы. За-тѣмъ выступили тори; одинъ изъ нихъ говорилъ очень недурно; послѣ два либерала сказали довольно слабый адресъ. Народъ между тѣмъ высказывалъ симпатію къ Брайту, къ баллотировкѣ и т. д. По окончаніи адресовъ выступилъ консервативный кандидатъ Горсефоллъ (Horsefall) и сказалъ очень бойкую рѣчь. Самая наружность этого человѣка внушаетъ довѣріе; говорить онъ съ убѣжденіемъ и силою. Юарта слово было далеко не такъ интересно. Горсефоллъ говорилъ обо всѣхъ живыхъ вопросахъ Англіи, высказывалъ довѣріе къ министрамъ, хвалилъ солиситора Кэрна, очень искусно высказалъ, что не будетъ противиться расширенію избирательныхъ правъ (extension of the right of voting), упомянулъ о ливерпульскомъ shipping interest...

и наконецъ о войнѣ. Рѣчь Юарта показалась мнѣ далеко менѣе интересною и удачною... Во все время выборовъ обѣ партій соблюдали приличіе и вѣжливость, даже народъ не возмнилъ себя ничего, кромѣ временныхъ, случайныхъ восклицаній. Я ушелъ съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что англичане умѣютъ пользоваться своею свободою. Даже эта грубая, по видимому, толпа держать себя лучше, чѣмъ можно ожидать по ея наружности. Она понимаетъ хорошо, что теперь рѣчь идетъ о ней и ея правахъ, и только поэтому шумить. Что касается джентльменовъ, они кажутся хладнокровными къ реформѣ».

Я намѣренъ извлечь во всей полнотѣ эти двѣ страницы изъ тысячи другихъ не менѣе (если даже не болѣе) интересныхъ страницъ въ путевыхъ замѣткахъ профессора Каченовскаго. Бойкій русскій человѣкъ не потерялся въ иностранной толпѣ, на чужомъ и далекомъ берегу. Сразу сталъ онъ, что называется, на своихъ ногахъ, и прекрасно ориентировавшись въ подробностяхъ, которые сведены у него въ одну ясную и цѣльную картину, извлечь оттуда все, что было нужно для обогащенія положительнаго матеріала своей науки. Сталкиваясь со множествомъ лицъ, самъ настойчиво домогаясь встрѣчи и сближенія съ видными дѣятелями изучаемой имъ страны, увлекаясь нерѣдко своимъ общительнымъ, но въ то-же время нѣсколько саркастическимъ нравомъ, Каченовскій нигдѣ не упускаетъ главной своей нити и всегда дѣлаетъ опредѣленный, вполне цѣлесообразный выводъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: послѣ описанной сцены выборовъ, Д. И. получаетъ приглашеніе на обѣдъ къ мэру Ливерпуля. Съ интересомъ является онъ въ собраніе городскихъ нотаблей; общество многочисленно, но судьба награждаетъ его на время обѣда сосѣдомъ — отставнымъ капитаномъ королевской арміи или гвардіи, который способенъ безтолково говорить, безъ начала и конца, объ одномъ «schooting and fisching», т. е. объ удовольствіяхъ рыбной ловли и охоты.

Думаю, что безъ подкуповъ трудно было бы затрачивать такую сумму. Вѣроятно, подкупы производятся косвенно...». Послѣ этихъ замѣчаній (въ нихъ нѣтъ и тѣни пристрастія или англоманіи, за которыя иногда корили покойнаго профессора), Д. И. пишетъ въ дневникѣ впечатлѣнія свои отъ втораго дня наблюденій за ходомъ ливерпульскихъ выборовъ: «...Я былъ введенъ въ самый центръ того мѣста, гдѣ они производятся (of the hustings). Толпа собралась большая и, по-временамъ, прерывала своимъ крикомъ рѣчи. Мы пошли гуськомъ (я сопровождалъ Юарта, либеральнаго кандидата). Тори пріѣхали въ каретѣ. Таковъ обычай партій: виги держатъ себя проще и ближе къ народнымъ правамъ; напротивъ, тори аристократничаютъ. Избирательная платформа (hustings) раздѣлена на 2 половины, по старому преданію (чтобы партіи не подрались); такая же преграда находится вѣвъ возвышенія между толпою. У барьеры стоитъ полиція, чтобы охранять порядокъ, она впрочемъ не мѣшаетъ народу кричать и толпиться: вмѣшательство ея незначительно. Дѣло началось чтеніемъ «Ouer», старой норманской формулы, и какого-то норманскаго статута; потомъ Мэръ, почтенной наружности купецъ, прочелъ прокламацію королевы. За-тѣмъ выступили тори; одинъ изъ нихъ говорилъ очень недурно; послѣ два либерала сказали довольно слабый адресъ. Народъ между тѣмъ высказывалъ симпатію къ Брайту, къ баллотировкѣ и т. д. По окончаніи адресовъ выступилъ консервативный кандидатъ Горсефоллъ (Horsefall) и сказалъ очень бойкую рѣчь. Самая наружность этого человѣка внушаетъ довѣріе; говоритъ онъ съ убѣжденіемъ и силою. Юарта слово было далеко не такъ интересно. Горсефоллъ говорилъ обо всѣхъ живыхъ вопросахъ Англіи, высказывалъ довѣріе къ министрамъ, хвалилъ солиситора Кэрна, очень искусно высказалъ, что не будетъ противиться расширенію избирательныхъ правъ (extension of the right of voting), упомянулъ о ливерпульскомъ shipping interest...

и наконецъ о войнѣ. Рѣчь Юарта показалаеь мнѣ далеко менѣе интересною и удачною... *Во все время выборовъ объ партіи соблюдали приличіе и вѣжливостъ, даже народъ не позволялъ себѣ ничего, кромѣ временныхъ, случайныхъ восклицаній. Я ушелъ съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что англичане умѣютъ пользоваться своею свободою.* Даже эта грубая, по-видимому, толпа держитъ себя лучше, чѣмъ можно ожидать по ея наружности. Она понимаетъ хорошо, что теперь рѣчь идетъ о ней и ея правахъ, и только поэтому шумить. Что касается джентльменовъ, они кажутся хладнокровными къ реформѣ».

Я намѣренно извлекъ во всей полнотѣ эти двѣ страницы изъ тысячи другихъ не менѣе (если даже не болѣе) интересныхъ страницъ въ путевыхъ замѣткахъ профессора Каченовскаго. Бойкій русскій человѣкъ не потерялся въ иностранной толпѣ, на чужомъ и далекомъ берегу. Сразу сталъ онъ, что называется, на своихъ ногахъ, и прекрасно оріентировавшись въ подробностяхъ, которыя сведены у него въ одну ясную и цѣльную картину, извлекъ оттуда все, что было нужно для обогащенія положительнаго матеріала своей науки. Сталкиваясь со множествомъ лицъ, самъ настойчиво домогаясь встрѣчи и сближенія съ видными дѣятелями изучаемой имъ страны, увлекаясь нерѣдко своимъ общительнымъ, но въ то-же время нѣсколько саркастическимъ нравомъ, Каченовскій нигдѣ не упускаетъ главной своей нити и всегда дѣлаетъ опредѣленный, вполне цѣлесообразный выводъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: послѣ описанной сцены выборовъ, Д. И. получаетъ приглашеніе на обѣдъ къ мэру Ливерпуля. Съ интересомъ является онъ въ собраніе городскихъ нотаблей; общество многочисленно, но судьба награждаетъ его на время обѣда сосѣдомъ — отставнымъ капитаномъ королевской арміи или гвардіи, который способенъ безтолково говорить, безъ начала и конца, объ одномъ «*schooting and fisching*», т. е. объ удовольствіяхъ рыбной ловли и охоты.

Каченовскій терпѣливо выслушиваетъ британскаго Нимрода, добываетъ отъ него куріёзный фактъ, что во время крымской войны «англійскія няньки и мамки пугали маленькихъ дѣтей именемъ русскихъ», и съ удовольствіемъ покидаетъ его для болѣе интересныхъ собесѣдниковъ. Рѣчь Горсфолла и здѣсь выручила Д. И., такъ-какъ «другая рѣчь произнесена была однимъ начальникомъ корабля, который уцѣлѣть нализаться и едва двигалъ языкомъ...». «...Особенно хорошо въ этомъ обѣдѣ то, что политическая вражда (*political animosities*) такъ скоро здѣсь забывается», — оканчиваетъ Каченовскій вѣрною и общинтересною замѣткою объ англійскихъ нравахъ юмористическій рассказъ свой о пиршествѣ у мэра «благороднаго города Ливерпуля» (*noble city of Liverpool*).

Вообще путевыя замѣтки Каченовскаго представляютъ большой интересъ и поучительны даже въ томъ отношеніи, что наглядно объясняютъ, какъ слѣдуетъ путешествовать серіознымъ людямъ. Искусство это является у Д. И. во всей образовательной силѣ своей, и приходится только съ изумленіемъ смотрѣть на ту энергію и талантливость, съ которыми обнимаетъ Каченовскій, въ своихъ наблюденіяхъ, массу разнообразныхъ предметовъ. Одною изъ любопытѣйшихъ частей въ запискахъ Д. И. объ Англіи показались мнѣ, между прочимъ, замѣтки о городскихъ учрежденіяхъ, о судѣ присяжныхъ и о тюремномъ устройствѣ. За-тѣмъ, какъ сказалъ я выше, Каченовскій искалъ встрѣчи съ личностями, выдающимися въ наукѣ, литературѣ и политикѣ, и нужно сознаться, что судьба довольно щедро награждала его въ этомъ отношеніи. Историки Маколей и Гротъ, строгій мыслитель и разносторонній ученый С. К. Льюизъ, основательный элленистъ и ловкій финансистъ Гладстонъ, геніальный старикъ Брумъ: всѣ они привѣтливо встрѣчаютъ, въ рабочихъ комнатахъ своихъ, умнаго и симпатичнаго иностранца. Вестлэкъ, Бестъ, Филлиморъ, Трэверсъ Твиссъ и другіе ан-

англійскіе юристы съ уваженіемъ выслушиваютъ мемуары его въ юридическомъ обществѣ и рѣчи въ противорабскомъ обществѣ (Antislavery Society). Но на этомъ не останавливается Каченовскій: онъ подходитъ къ самому народу англійскому; онъ наблюдаетъ общественные типы и вдается въ физиологію британскихъ характеровъ. Въ одномъ мѣстѣ изучаетъ онъ практика-фабриканта и знакомится съ интересами рабочаго класса; въ другомъ сталкивается съ престарѣлымъ квакеромъ, который живетъ библейскимъ и строгимъ патріархомъ въ многочисленной семьѣ своей, что не мѣшаетъ однакоже старику занять чужестраннаго гостя умными рѣчами о предметахъ философскихъ, богословскихъ и политическихъ. Въ третьемъ мѣстѣ отыскиваетъ живое подобіе Микаубера—этого симпатичнаго героя въ извѣстѣйшемъ изъ романовъ С. Ч. Диккенса. Наконецъ, нѣкоторыя страницы дневника имѣютъ и будутъ имѣть серіезный историческій интересъ: передъ глазами Каченовскаго прошли и подверглись вѣрному его наблюденію лица, имѣвшія вліяніе на политику, литературу и науку не въ одной только Англіи.

Вотъ, напримѣръ, отчетъ Д. И. о днѣ ¹³/₂₅ мая 1859 года въ Парижѣ: «Я видѣлъ сегодня Руффини и Мишле. Руффини принадлежитъ къ числу людей когда-то восторженныхъ и теперь охладѣвшихъ черезъ-чуръ. Онъ родомъ изъ Генуи, былъ товарищемъ и другомъ Мацини, дѣлилъ съ нимъ ссылки и приключенія, затѣмъ бросилъ его, написалъ извѣстный романъ «Лоренцо Бен-нони», на нѣсколько времени возвратился на родину, въ 1848 году былъ посланникомъ въ Парижѣ и теперь живетъ на-покой. Его наружность не представляетъ ничего особеннаго; онъ уже постарѣлъ и особенно постарѣлъ духомъ. Въ его тонѣ слышится отвращеніе отъ политики, недовѣріе къ человѣчеству и къ нынѣшнему поколѣнію; мнѣ кажется даже, что онъ не вѣритъ и въ Италію... Въ Мацини онъ теперь разочарованъ и называетъ его не практически человѣкомъ и вѣчнымъ ребенкомъ (*perpetuo fanciullo*).

Руффини очень, по-видимому, привязанъ къ Франціи, англичанъ онъ бранить за чопорную respectability, за тиранство обычая, и по дѣломъ. Въ итальянской жизни, по его мнѣнію, личность наиболѣе независима... «Въ Швейцаріи... и друзьямъ надобно платить за услуги».

«Я ожидалъ большаго отъ Руффини. Онъ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе трупа. Я замѣчалъ, что большая часть неумѣренныхъ энтузіастовъ охлаждаются до такой степени къ концу жизни» — снова заключаетъ мѣткимъ выводомъ дневныя наблюденія свои Д. И. Каченовскій.

Замѣтка о Мишле менѣе внимательна, но не лишена вѣрности и интереса. «Мишле, въ противоположность Руффини, сохранилъ вѣру въ себя, потому что работалъ кабинетно и не выходилъ на арену политической жизни. Этотъ старикъ, очень живой и бойкій, показался мнѣ умнымъ актеромъ. Онъ говоритъ avec emphase и на-распѣвъ; ему кажется, будто во Франціи ничто не измѣнилось... Однакоже изъ словъ Мишле видно, что онъ чувствуетъ тяжесть централизаціи на странѣ. Онъ оправдывалъ свои Légendes du Nord и говорилъ, что встрѣчалъ много симпатіи въ русскихъ».

Такимъ-то внимательнымъ и зоркимъ наблюдателемъ является Каченовскій во всѣхъ своихъ путешествіяхъ по различнымъ странамъ Европы! Ничто не ускользаетъ отъ него. Въ Бреслау, забѣгаетъ онъ въ-торопяхъ, почти-что на короткій промежутокъ между поѣздами, къ старику Абеггу; но, уходя отъ него, заноситъ въ дневникъ свой любопытное profession de foi ветерана-профессора о преподаваніи уголовного права. Солиднѣйшій изъ старыхъ криминалистовъ Германіи «старался дѣйствовать на еердца слушателей, объяснять имъ гуманныя начала судопроизводства, убѣдить въ необходимости дѣйствовать осторожно и добросовѣстно». Прощаясь съ Лондономъ въ С. К. Льюизомъ, Каченовскій успѣваетъ однакоже навести знаменитаго государ-

ственного человека и ученаго на разговоръ о книгѣ Милля (On Liberty) и записываетъ мнѣніе, что «Д. С. Милль преувеличилъ тираннію формы и обычая въ англійскомъ обществѣ».

Недаромъ провелъ Д. И. время свое и въ Германіи. Немалый интересъ представляютъ замѣтки Каченовскаго о Дальманѣ, Пертесѣ и нѣкоторыхъ другихъ знаменитостяхъ ученаго и политическаго міра.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи извлечь эти, бойко-очерченные легкими штрихами пера, портреты. «Въ Боннѣ, сверхъ ожиданій, я не скучалъ», пишетъ Д. И. въ іюлѣ 1857 года. «Цвѣтушій и покрытый садами городокъ, Рейнъ и чудныя окрестности заставляли забывать одиночество... Прежде всего я пошелъ къ Дальману. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ понравился. Какое-то искривленное лицо, странный видъ и маленькіе глаза профессора не привлекаютъ, какъ напримѣръ свѣтлое лицо Альбрехта (извѣстн. проф. герман. права). Дальманъ говорилъ о Россіи, за успѣхами которой онъ слѣдилъ съ надеждою и страхомъ. Прогрессъ, замѣтилъ онъ, пошелъ теперь не въ глубину, а въ ширь. Вообще, въ его словахъ я не нашелъ того отчаянія, которое думалъ найти... Дальманъ рассказывалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Токвилемъ, который приѣзжалъ сюда изучать нѣмецкіе источники для своего сочиненія. По словамъ Дальмана, языкъ сосѣдей не давался Токвилю, и онъ, какъ французъ, заплатилъ въ этомъ отношеніи дань своей національности.

Совсѣмъ другаго рода человекъ Пертесъ. Образъ его мыслей понять трудно. Онъ не принималъ участія въ 1848 году, не обманывался въ его надеждахъ и, какъ самъ онъ выражался, видѣлъ въ Россіи и въ католицизмѣ двѣ охранительныя силы въ Европѣ. Поэтому на реформы въ Россіи смотрѣлъ онъ недоверчиво и покачивалъ головою. О Франціи Пертесъ отзывался съ ужасомъ. Деньголюбіе и развратъ возрастаютъ тамъ

вмѣстѣ съ клерикальнымъ вліяніемъ. Открылись новые лишніе ордена, безъ всякаго содѣйствія правительства. Одинъ изъ бывшихъ здѣсь французовъ, легитимистъ, увѣрялъ, что Франція должна погибнуть, если не освободится отъ преобладающаго Парижа. Wenn die Nation so tief gesunken ist, wir sollen uns freuen (!), dass sie einen Napoleon findet. *Что Пруссіи суждено играть большую роль, Пертесъ не сомнѣвался...* О принцѣ, будущемъ наслѣдникѣ, онъ отзывался какъ о любезномъ человѣкѣ, но не ждалъ отъ него большихъ реформъ. «Онъ приходилъ съ нами безъ церемоніи пить чай и жилъ очень просто». Мнѣ еще предстояло видѣться съ Лоренцомъ, пишетъ Д. И. Онъ боленъ и огорченъ своими неудачами (*Лоренцъ собирался читать здѣсь древнюю русскую исторію, но никто не захотѣлъ слушать его лекцій*)».

«Я нашелъ въ Германіи, сказалъ онъ, большія перемѣны, и не къ лучшему; все увлекается матеріальными интересами, мы живемъ въ вѣкѣ промышленности, наука не въ милости у молодого поколѣнія».

Очень свѣтлое впечатлѣніе произвелъ на Каченовскаго Арндтъ. «Я видѣлъ старика Арндта, свѣжаго, добродушнаго, живаго, привлекательнаго. Это прекрасный типъ старыхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Онъ многое видѣлъ, былъ въ Россіи, въ 1812 году, съ Штейномъ (и издалъ объ этомъ книгу въ нынѣшнемъ году), пережилъ много переворотовъ и сохранилъ, не смотря на свои 89 лѣтъ, веселость характера. Онъ болталъ со мною безъ умолку обо всемъ и — очень мило. Я слушалъ старика съ удовольствіемъ... Предметомъ разговора были разныя свойства народовъ...».

Гейдельбергъ произвелъ на Д. И. то-же впечатлѣніе, какое оставляетъ онъ на душѣ у всякаго, кто посѣтилъ этотъ поэтический пріютъ науки. И не одному русскому профессору будетъ сочувственна та картина, которая набросана искусною рукою Каченовскаго: «Вечеромъ большою компаніей отправлялись

мы на Шпейергофъ. Туда ѣхали; оттуда шли чудною ночью. Внизу видны были городскіе огни; вдали слышались музыка и студентскія пѣсни: деревья были неподвижны и какъ будто слушали. На душѣ у всѣхъ стало свѣтло и тихо».

Зато-же полонъ и серьезнаго интереса дневникъ Д. И. о Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣчался онъ съ Молемъ, Велькеромъ, Безелеромъ, Миттермайеромъ, Гагерномъ и другими извѣстными учеными, профессорами и литераторами. Бесѣды съ г. Р. Ф. Молемъ очень разнообразны и научны по содержанию. Разговоры съ Велькеромъ доказываютъ, что старые нѣмецкіе профессора умѣли лучше и терпимѣе новаго поколѣнія относиться къ вопросу о политическомъ значеніи Россіи и къ дѣлу внутреннихъ реформъ въ нашемъ отечествѣ. Узкій патріотизмъ и сильное національное чванство не заглушали у стариковъ простой, но вѣрной и возвышенной идеи о солидарности, въ дѣлѣ гражданственности и общественныхъ успѣховъ, между всѣми народами.

Многія лекціи Моля (напр. о Grundrechte) воспроизведены у Каченовскаго съ замѣчательною полнотою. Очень вѣрно охарактеризованъ покойный Гейссеръ. Съ большою проницательностію открылъ въ немъ Д. И., при несомнѣнномъ и энергическомъ талантѣ, рьяный нѣмецкій патріотизмъ, нетерпимый и не всегда разборчивый въ средствахъ. Въ то время, когда я слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ (1864 — 65 г.), обозначилось еще явственнѣе презрѣніе Гейссера къ «Kleinstaaterei» и тяготѣніе къ тому сѣверо-востоку Германіи, откуда опустился недавно тяжелый ударъ (Deutschland's Degen's) надъ «entsetzliche Franzosen».

Не трудно угадать, какое впечатлѣніе произвели бы на Каченовскаго и на другихъ русскихъ людей, уважающихъ гейдельбергскія аудиторіи, недавнія лекціи преемника Гейссера (Трейчке). Фантастическій страхъ передъ социализмомъ и франко-рус-

скимъ союзомъ довелъ почтеннаго профессора до сектаторскаго фанатизма. Весьма вѣроятно, что мнѣніе Каченовскаго было бы здѣсь не менѣе строгимъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, гдѣ онъ, весьма осторожный въ приговорахъ надъ собратами по занятію, вынужденъ однакоже выставить пошлость одного профессора римскаго права (не Вангерова), который называлъ Юстиніана «Spitzbube», обо всемъ судилъ съ какою-то неряшливою небрежностію и въ тоже-время — съ видомъ знатока. «Курьёзы впрочемъ остроты его на Шталя и Гегеля. Гегель, по его мнѣнію, разсматриваетъ науку съ берлинской точки зрѣнія, а Шталь ведетъ назадъ, но неизвѣстно куда!».

Кромѣ этого филистера въ профессорской толпѣ, не совсемъ счастливо столкнулся съ Каченовскимъ одинъ изъ рейдельбергскихъ знатоковъ международнаго права (Не Р. Ф. Моль и не Влунчли). «Это—живой компендіи, пишетъ Д. И. Читалъ онъ при мнѣ лекцію о посланникахъ и защищалъ довольно странную мысль, будто посланникъ не чиновникъ, ссылаясь на то, что Standesherren могутъ отправлять посольскія, а не другія должности. Лекціи его пересыпаны неудачными остротами, которыя плѣняютъ только раболѣпныхъ студентовъ».

Но предадимъ покою печальный ликъ этого педанта, обрисованнаго *cum grano salis* искусною рукою Каченовскаго, и да избавитъ судьба наши русскія аудиторіи отъ профессоровъ, плѣняющихъ плоскими выходами раболѣпныхъ студентовъ!

Передо мною лежатъ еще цѣлые томы замѣтокъ: это — результатъ путешествій Д. И., въ 1864, 1866, 1868 и 1870 годахъ, по Италіи, въ которую вложила такъ много любви художественная душа Каченовскаго. Что любовь эта была плодотворна, доказываютъ статьи «О старыхъ мастерахъ Флоренціи». Но въ нихъ видѣли мы лишь начало, а продолженіемъ должны были служить другія работы, изъ которыхъ почти написана прелестная статья о Микель-Анджело; Д. И. благоговѣлъ передъ

этимъ гениемъ живописи и скульптуры, и нужно было видѣть восторгъ Каченовскаго передъ «плѣнниками» въ Луврѣ и передъ «*Logenzo il Pensiero*» во Флоренціи!

Пришлось и мнѣ дѣлать его чистыя, эстетическія радости, и вотъ почему такъ трудно отрываться въ настоящую минуту отъ изученія и разбора путевыхъ замѣтокъ Д. И. объ Италіи. Интересъ ихъ для исторіи искусства весьма значителенъ. Но обязанности, чтить которыя училъ Каченовскій, зовутъ къ инымъ трудамъ.

IV. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о послѣднихъ мѣсяцахъ и дняхъ Каченовскаго.

Давно уже—болѣе 2 лѣтъ—рѣзко обозначился упадокъ физическихъ силъ у Д. И. Онъ съ каждымъ днемъ блѣднѣлъ, становился крайне раздражителенъ и утомлялся отъ того, что въ прежніе годы казалось ему игрушкой. Но бодрость духа и живое участіе ко всему, что интересовало его, были прежнія. За нѣсколько недѣль до смерти, измученное лицо Д. И. появлялось еще на засѣданіяхъ совѣта, куда—увы!—ушла не малая доля лучшихъ силъ Каченовскаго... Есть грустныя стороны во всякой, а слѣдовательно и въ университетской жизни, и столкновенія («университетскія битвы»—какъ назвалъ ихъ въ одномъ изъ приведенныхъ мною писемъ Д. И.) въ стѣнахъ коллегій дѣйствуютъ губительно на впечатлительные и нервные характеры. Борьба, которая ведется при закрытыхъ дверяхъ, по необходимости лишена полнаго свѣта, гласности и публичности, а при такихъ условіяхъ не всегда бываетъ сохраняемо чувство мѣры и не остается неизмѣнно-яснымъ сознание о нравственной отвѣтственности за каждое свое слово въ общественныхъ дѣлахъ. Но печальнѣе всего видѣть, какъ лучшие люди, увлекаясь, вызываютъ иногда оскорбительныя репрессаліи. Что не всегда и

не всѣми соблюдается рыцарство въ борьбѣ—это старая истина.

Внѣшняя обстановка, окружающая провинціальныя университеты, не имѣетъ ничего такого, что могло бы служить смягченіемъ неудобствамъ корпоративной жизни. Общество болѣе чѣмъ равнодушно къ научнымъ интересамъ; нѣтъ литературы; нѣтъ и не можетъ быть, по множеству весьма вѣскихъ причинъ, журнастики; нѣтъ даже цензуры (По крайней мѣрѣ Харьковъ, университетскій городъ, до сихъ поръ не имѣетъ ея).

Положеніе людей, сознающихъ за собою способность вести живую работу литератора или публициста, по-истинѣ печально въ провинціи. Что, напримѣръ, сдѣлаетъ у насъ любой профессоръ, по любой государственной наукѣ съ «вопросами дня», если-бы даже и могъ иногда обсудить ихъ основательно, съ научной точки зрѣнія и съ пользою для родной земли, къ которой имѣется у него не раболѣпное, но искреннее и вполне гражданское чувство? Можетъ ли онъ посылать на-угадъ, не запросивъ предварительно кого слѣдуетъ, статью свою въ одну изъ столичныхъ редакцій? Очевидно, нѣтъ. Между тѣмъ интересъ дня—явленіе скоротечное, и предложеніе обсудить его (если только дѣйствіе такое возможно) скорѣе всего будетъ принято не изъ провинціи, но отъ того множества рукъ, которыя наперерывъ предлагаютъ свои услуги въ самой метрополіи. Захочетъ ли онъ положить свою статью въ станки газеты губернскаго правленія? отвѣтъ ясенъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ не будетъ, да и не можетъ быть такого жертвоприношенія.

Такимъ-то образомъ гибнуть безслѣдно многія добрыя мысли и честныя труды, тяжѣетъ перо, слабѣетъ живость и чуткость мозга, погасаетъ мало-по-малу не одно литературное и публицистическое дарованіе. Людямъ, по природѣ своей менѣе энергичнымъ, легче дается этотъ процессъ «постепеннаго опусканія береговъ» (по выраженію одного изъ талантливыхъ нашихъ романистовъ); для другихъ борьба такая обходится болѣе

дорогою цѣною! Нельзя безнаказанно укорачивать натуру, призванную къ полному и правильному развитію; природа будетъ мстить за насиліе себѣ рядомъ нравственныхъ страданій; ожелчнѣетъ характеръ, возникнутъ шероховатости, стѣсненный талантъ станетъ проявляться пароксизмами неудовлетвореннаго самолюбія...

Что касается Каченовскаго—человѣка съ несомнѣннымъ талантомъ публициста и писателя, то не мнѣ одному, но многимъ людямъ, которые привыкли анализировать характеры, приходила въ голову мысль, что своевременный переходъ въ Петербургъ и даже въ Москву былъ бы благодѣтеленъ для Д. И.—И кто знаетъ, быть можетъ онъ жилъ бы еще—и жилъ долго, для науки, для литературы и для дѣлъ общественныхъ!

Никто, конечно, не скажетъ, чтобы во всемъ была виновата провинціальная жизнь; едва-ли кто станетъ доказывать, что въ столицахъ—Эльдорадо для дѣятельности профессора-писателя и особенно публициста. Могли быть—и были на самомъ дѣлѣ—многія условія физическаго и психическаго свойства, при которыхъ давно уже заронилось зерно болѣзни въ организмъ Д. И. Но развитіе этого смертельнаго зародыша во всякомъ случаѣ было бы менѣе скорымъ и пагубнымъ въ иной средѣ, полнѣе отвѣчавшей характеру и способностямъ покойнаго Каченовскаго. Извѣстная доля отвѣтственности несомнѣнно падаетъ на тѣ мѣстныя вліянія, о которыхъ сказано выше.

Въ 1870 г. показались первые признаки чахотки у Д. И. Онъ замѣтилъ подступъ ея въ Италіи, во время путешествія по гористымъ мѣстностямъ древней Умбріи и въ окрестностяхъ Сіены, старые мастера которой сильно занимали его въ то время. Съ тѣхъ поръ болѣзнь повлекла его по наклонной плоскости къ могилѣ, увеличивая страданія своей жертвы по извѣстному закону. Однако-же въ этотъ промежутокъ времени вышли двѣ работы Д. И. (Старая Флоренція и ея мастера; Разборъ книги

Пасси въ Revue de droit international). Въ маѣ 1872 года Д. И. уѣхалъ за границу, для лѣченія; но было уже слишкомъ поздно. Въ бумагахъ его осталось нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ, по старой привычкѣ изучать и наблюдать, въ Глейхенбергѣ, въ Штиріи, куда послалъ его докторъ Моргенштернъ изъ Вѣны. Но отъ слабыхъ, едва читаемыхъ строкъ этихъ мерцаетъ уже погребальною свѣчою.

Незадолго до смерти, продиктовалъ онъ одному изъ друзей своихъ «замѣтки о моей болѣзни»... «До Кіева ѣхалъ 43 часа не останавливаясь», отмѣтилъ этотъ мужественный страдалецъ, «прибылъ туда въ лихорадкѣ... Всѣ дни проводилъ у Демченко (профессора гражд. права), у котораго нашелъ братскій пріемъ... Первые двѣ недѣли въ Харьковѣ я еще могъ экзаменовать... О чтеніи лекцій нельзя было думать: я едва могъ ходить по комнатѣ и говорить. Самыя тяжкія страданія испыталъ я въ концѣ ноября... 26 ноября былъ роковой день для меня: два раза терялъ я чувства... 15, 16, 17-го декабря — три бессонныя ночи, разслабленіе до потери сознанія по-утру...».

Такъ оканчивается этотъ дважды-скорбный листъ! Сильный характеръ этого человека выдержалъ себя до конца: безстрашно глядѣлъ онъ въ лицо смерти и точно наблюдалъ, какъ подступала она къ нему!

Утромъ 21 декабря раздался сильный и судорожный звонокъ въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ жили близкіе друзья Каченовскаго. Я увидѣлъ его уже на столѣ, черезъ полчаса послѣ кончины. Мраморно-блѣдное лицо поразило меня своимъ грустно-спокойнымъ видомъ: то была обычная иронія смерти надъ жертвою, которая много и мучительно страдала до минуты вѣчнаго покоя.